

Линь Юньшэнь в душе обрадовался, вскочил и сказал:

— Отпусти меня скорее! Если ты продолжишь приставать, я расскажу твоему отцу, что ты домогался своего будущего зятя! Тьфу-тьфу-тьфу, вот уж не ожидал. Семья Бай из Цзяндуна — род учёных, все говорят, что она благородна. Но кто бы мог подумать, что в ней появится такой развратник с наклонностями к «обрезанному рукаву». Позор семье, горе семье!

Бай Инь, разозлившись, начал заикаться:

— Ты... ты... ты...

Он не успел договорить, как уже собирался запустить в него веревку, связывающую бессмертных. Линь Юньшэнь быстро спрятался за деревом:

— Ой-ой, вот это да! Не получилось изнасиловать, теперь хочешь применить силу? Я сейчас начну кричать!

С этими словами он резко расстегнул воротник, обнажив белую грудь. Бай Инь, словно увидев призрака, в ужасе отступил на несколько шагов, а затем прыгнул через стену.

Линь Юньшэнь усмехнулся, затем снова принял серьёзный вид, привёл одежду в порядок и подошёл к озеру, чтобы посмотреть на своё отражение. К счастью, он не потерял своего достоинства.

Он огляделся и, увидев, что кто-то приближается, снова полез на дерево. На этот раз это было ещё сложнее, ведь Бай Инь уже изрядно его потрепал. Медленно он встал на стену, посмотрел на землю с другой стороны, глубоко вдохнул и прыгнул вниз.

Ноги и тело онемели от боли. Присев на землю, он подумал: «Хорошо, что никто не видел, иначе моя репутация как Дао Цина была бы разрушена. Всё из-за этого проклятого...»

Знакомая вещь обвила его ногу, а затем и всё тело.

...

...всё из-за этой проклятой веревки, связывающей бессмертных.

Он подавил гнев в душе и обернулся к старшему сыну семьи Бай, который появился неизвестно откуда.

— Что тебе нужно? Я сейчас начну кричать, я...

Бай Инь просто взял кусок ткани и заткнул ему рот, обмотал вокруг головы и завязал намертво.

— Я подумал, если я просто уйду, то это будет именно то, чего ты хочешь.

— Мммм.

— Кто там за стеной?

Из-за стены раздался мужской голос, и Линь Юньшэнь широко открыл глаза:

— Мммм!

Но Бай Инь не дал ему шанса заговорить. Несмотря на юный возраст, он был удивительно силен и, схватив Линь Юньшэня, утащил его в ближайшие кусты.

Листья ивы падали вниз, и кто-то взобрался на старую иву внутри стены, чтобы посмотреть наружу.

Линь Юньшэнь лежал в кустах, сквозь листья увидев юношу в белых одеждах, с изящными чертами лица и приятной внешностью.

Но у него не было времени звать на помощь, потому что Бай Инь прижал его, словно боясь, что он поднимет шум. Он смотрел в глаза Бай Иня, который был почти вплотную к нему.

Дыхание Бай Иня было неровным, а его глаза, похожие на щенячьи, казалось, отражали весенний свет. Впервые он заметил, что у этого парня такие проникновенные глаза, такие живые глаза на таком серьёзном и сдержанном человеке были настоящей жемчужиной.

Бай Инь прижимал его руки к земле, и Линь Юньшэнь, почувствовав злой умысел, решил воспользоваться тем, что Бай Инь не может двигаться, и пощекотал его ладонь пальцем.

Бай Инь действительно дёрнулся, и его брови чуть не встали дыбом. Линь Юньшэнь, видя, что он действительно рассердился, больше не стал щекотать, но их лица были так близко, что это вызывало неловкость. Он отвернулся, оставив Бай Иню вид на свою белую шею, где красное родимое пятно выглядело как лепесток цветка персика.

Однако вскоре юноша на дереве спустился. Бай Инь, словно отскочив от змеи, выскочил из кустов. Линь Юньшэнь, связанный, с трудом поднялся с земли.

Бай Инь убрал веревку, связывающую бессмертных, и строго сказал:

— Иди сам, и веди себя прилично.

Линь Юньшэнь чуть не опустил руки до земли:

— Ноги слабые, не могу идти.

Бай Инь раздражённо протянул руку, чтобы схватить его, но вдруг остановился, словно что-то вспомнив, а затем снял меч со спины, взял его за рукоять и протянул конец меча Линь Юньшэню.

Линь Юньшэнь недоумевал:

— Что это?

Бай Инь, не выражая эмоций, просто покачал ножны, и Линь Юньшэнь, увидев вставленный в них кусок белого нефрита, наконец понял его намерение.

Он усмехнулся и протянул руку к концу меча, но Бай Инь сказал:

— Если ты обидишь мою сестру, я убью тебя.

Линь Юньшэнь вздрогнул, поднял взгляд на Бай Иня, но на его лице не было ни тени эмоций, только решительный и холодный взгляд, в котором отражалась его собственная сущность.

Линь Юньшэнь усмехнулся:

— Думаешь, твои слова напугают меня?

Бай Инь ответил:

— Тебе не нужно бояться меня, просто знай, что бояться стоит того, что у меня в руках.

Линь Юньшэнь внезапно шагнул вперёд, схватил мистический меч, ловко провернул запястье и вытащил его, направив остриё в грудь Бай Иня. Тот, не ожидая такого поворота, в панике отступил, потерял равновесие, и клинок разрезал его одежду под мышкой. Он ударил Линь Юньшэня по запястью, меч упал на землю, и Бай Инь, почти в ярости, крикнул:

— Ты действительно напал на меня!

Линь Юньшэнь, бледный, тяжело дыша:

— А ты как думал? Ты считаешь, что я, потеряв всю свою силу, действительно не могу тебя одолеть? Я просто из уважения к Хуэйдуань и потому, что ты старший сын семьи Бай, всё время щадил тебя. Убить тебя для меня — плёвое дело.

Бай Инь, видя, что в его глазах горит злоба, почувствовал странный холод. Он мрачно поднял меч с земли и сказал:

— Хорошо, я запомню.

Он вложил меч в ножны, постучал концом по руке Линь Юньшэня и приказал:

— Ты сам пойдёшь, или будешь держаться за меч?

Линь Юньшэнь смотрел на белый нефрит на ножнах меча, и по сравнению с тринадцатью годами назад, он уже не был таким белоснежным. Нефрит отгоняет злых духов, поэтому на мистических мечах часто вставляют нефрит. На его мече Лохоу был вставлен чёрный нефрит.

Он последовал за Бай Инем на главную дорогу, глядя на его спину, и в его душе возникали всё новые вопросы.

Старший сын семьи Бай, разве он уже не должен был стать чиновником? Неужели старший и младший сыновья поменялись местами, и старший пошёл по пути мистических искусств, а младший унаследовал власть?

Такое уже случалось, хотя правила существуют, но в исключительных ситуациях всё может измениться. Даже среди простых людей младший сын часто бывает любимчиком, не говоря уже о том, что таланты братьев могут различаться. Но в знатных семьях власть всегда ценится выше, чем мистические искусства. Тот, кто наследует власть, всегда самый подходящий для чиновничьей карьеры и самый уважаемый.

А в семье Бай, где всеобщая любовь, был только один Бай Инь.

Его лицо, на котором не отражались эмоции, говорило о его хитрости, что делало его идеальным для политики. Линь Юньшэнь подумал: «Что замышляет этот человек с таким безразличным лицом? Я бы хотел залезть в его голову и узнать».

Рассвет уже наступил, и они подошли к чайному домику. Бай Инь сказал:

— Отдохнём, а потом продолжим.

В чайном домике, кроме них, было ещё семь-восемь человек из Сюаньмэнь. Линь Юньшэнь устало опустился на стул, снял с плеч мешок и меч и с жалобой сказал:

— Этот меч такой тяжёлый.

Бай Инь налил ему чаю, и Линь Юньшэнь, взяв чашку, выпил её залпом. Чай был ещё горячим, и он, закончив, высунул язык, чтобы охладиться. Вокруг была тишина, и раннее утро было немного душным. Линь Юньшэнь посмотрел на группу людей и вдруг услышал, как они говорили о Собрании Чаосянь.

Пятнадцатое октября — ежегодное Собрание Чаосянь в мире Сюаньмэнь, которое, хотя и считается местом для обмена опытом, на самом деле является скрытым состязанием. Собрание Чаосянь — самое важное событие в мире Сюаньмэнь, проводимое в Сичжоу, и, поскольку вход свободен для всех, каждый год оно привлекает огромное количество людей, превращаясь в грандиозное зрелище.

Сейчас середина сентября, и те, кто собирается участвовать в Собрании, уже должны отправляться в путь. Линь Юньшэнь невольно прислушался к их разговору.

— Кстати, почему в последние годы на Собрании Чаосянь не видно старшего сына семьи Бай? Разве он не пошёл по пути мистических искусств?

Вопрос: Почему такой холодный и жестокий персонаж становится немного наивным, когда рядом с главным героем?

Ответ: Потому что главный герой должен быть для него особенным.

Ты — единственный свет в моей жизни, напоминающий мне, что я всё ещё человек...

<http://bllate.org/book/16677/1530234>